

УДК 82(1-87)(075)
ББК 84(7США)я7
Л 56

Перевод с английского *Д.Г. Лившиц*

Составление словаря, упражнений и комментариев *Е.В. Карпенко*

Иллюстрации *Е.В. Пуляевой*

Оформление *Ю. Щербакова*

Ликок С.

Л 56 15 лучших юмористических рассказов : [парал. текст на англ. и рус. яз.: учебное пособие / Стивен Ликок ; [пер. с англ. Д. Г. Лившиц]. – М. : Эксмо, 2014. – 288 с. + CD. – (Билингва. Слушаем, читаем, понимаем).

ISBN 978-5-699-67604-0

Комплект из книги и аудиодиска состоит из блистательных юмористических рассказов Стивена Ликока. Медицина и фотография, здоровый образ жизни и рыбалка, рождественские подарки и коллекционирование – все эти вечно актуальные темы Ликок разбирает обстоятельно и с непревзойденным чувством юмора. Читая и слушая тексты на английском языке, обращаясь к блестящему переводу, вы улучшите свои навыки чтения и восприятия на слух иноязычной речи.

Для углубления знаний английского и облегчения понимания текста предлагаются упражнения и словарь.

Книга будет интересна и полезна школьникам, абитуриентам, студентам, преподавателям, а также всем, кто изучает английский язык самостоятельно.

УДК 82(1-87)(075)
ББК 84(7США)я7

ISBN 978-5-699-67604-0

© Лившиц Д.Г., перевод на русский язык, 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Contents

With the Photographer У фотографа	4	The Errors of Santa Claus Ошибки Санта-Клауса	134
My Unknown Friend Мой незнакомый друг	16	The Old, Old Story of How Five Men Went Fishing Старая-престарая история о том, как пятеро мужчин отправились на рыбную ловлю	146
How to Live to Be 200 Как дожить до двухсот лет	32	My Lost Dollar Мой погибший доллар	168
How to Be a Doctor Как стать врачом	44	My Affair with My Landlord Как я убил своего домовладельца	176
Men Who Have Shaved Me Люди, которые меня брили	56	The Laundry Problem Проблема прачечной	192
Number Fifty-Six № 56	70	Murder at \$2.50 a Crime Убийства оптом по два с половиной доллара за штуку	206
On Collecting Things По поводу коллекционирования	86	Activities	240
The Cave-Man as He Is Пещерный человек как он есть	94	English-Russian Vocabulary	276
Ideal Interview with Our Greatest Actor Воображаемое интервью с нашим величайшим актером	118		

With the Photographer

Υ φωτογραφα

“I want my photograph taken,” I said. The photographer looked at me without enthusiasm. He was a drooping man in a gray suit, *with the dim eye of a natural scientist*. But there is no need to describe him. Everybody knows what a photographer is like.

“Sit there,” he said, “and wait.”

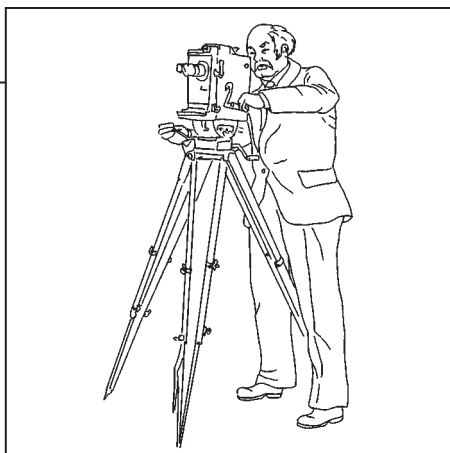
I waited an hour. I read the “Ladies Companion” for 1912, the “Girls Magazine” for 1902 and the “Infants Journal” for 1888. *I began to see* that I had done an unwarrantable thing in breaking in on the privacy of this man’s scientific pursuits with a face like mine.

After an hour the photographer opened the inner door.

“Come in,” he said severely.

I went into the studio.

“Sit down,” said the photographer.

-**Я** хотел бы сфотографироваться, — сказал я. Фотограф как будто обрадовался. Это был понурого вида мужчина в сером костюме, *с отсутствующим взглядом естествоиспытателя*. Впрочем, нет необходимости описывать его внешность. Всякий знает, как выглядит фотограф.

— Посидите здесь и обождите, — сказал он.

Прошел час. Я прочел «Спутник женщины» за 1912 год, «Журнал для молодых девушек» за 1902 год и «Детский журнал» за 1888 год. *Я начал понимать*, что совершил недопустимый промах, нарушив уединение этого жреца науки и помешав ему в его ученых изысканиях — особенно при наличии такого лица, как мое.

По истечении часа фотограф открыл внутреннюю дверь.

— Войдите, — сурово сказал он.

Я вошел в ателье.

— Сядьте, — сказал фотограф.

I sat down in a beam of sunlight filtered through a sheet of factory cotton hung against a frosted skylight.

The photographer rolled a machine into the middle of the room and crawled into it from behind.

He was only in it a second, — just time enough for one look at me, — and then he was out again, tearing at the cotton sheet and the window panes with a hooked stick, apparently frantic for light and air.

Then he crawled back into the machine again and drew a little black cloth over himself. This time he was very quiet in there. I knew that he was praying and I kept still.

When the photographer came out at last, he looked very grave and shook his head.

“The face is quite wrong,” he said.

“I know,” I answered quietly; “I have always known it.” He sighed.

“I think,” he said, “the face would be better three-quarters full.”

“I’m sure it would,” I said enthusiastically, for *I was glad to find that the man had such a human side to him.* “So would yours. In fact,” I continued, “how many faces one sees that are apparently hard, narrow, limited, but the minute you get

Я сел. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь плотную хлопчатобумажную простыню, прикрывавшую матовое стекло крыши, падал на меня сверху.

Фотограф выкатил свой аппарат на середину комнаты, встал сзади и прильнул к нему лицом.

Пробыв в таком положении не больше секунды — ровно столько, сколько ему понадобилось, чтобы бросить на меня беглый взгляд, — он отошел от аппарата, взял палку с крючком на конце, отдернул простыню на потолке и распахнул оконные рамы; должно быть, этот человек безумно стосковался по свежему воздуху и свету.

Затем он снова подошел к аппарату и накинул на себя небольшое черное покрывало. На этот раз он стоял совершенно неподвижно. Я догадался, что он молится, и сидел не шевелясь.

Когда наконец фотограф подошел ко мне, вид у него был весьма мрачный. Он покачал головой.

— *Лицо никуда не годится*, — сказал он.

— Знаю, — спокойно ответил я, — я всю жизнь знал это. Он вздохнул.

— Полагаю, что оно получится лучше, — сказал он, — если снять его в три четверти.

— Ну конечно! — вскричал я с восторгом, *обрадованный гуманностью фотографа*. — Ваше тоже получилось бы лучше в три четверти... Сколько есть лиц, которые кажутся нам грубыми, ограниченными, тупыми, — продолжал я, —

them three-quarters full they get wide, large, almost boundless in —”

But the photographer had ceased to listen. He came over and took my head in his hands and twisted it sideways. I thought he meant to kiss me, and I closed my eyes.

But I was wrong.

He twisted my face as far as it would go and then stood looking at it.

He sighed again.

“I don’t like the head,” he said. Then he went back to the machine and *took another look*.

“Open the mouth a little,” he said.

I started to do so.

“Close it,” he added quickly.

Then he looked again.

“The ears are bad,” he said; “droop them a little more. Thank you. Now the eyes. Roll them in under the lids. Put the hands on the knees, please, and turn the face just a little upward. Yes, that’s better. Now just expand the lungs! So! And hump the neck — that’s it — and just contract the waist — ha! — and twist the hip up toward the elbow — now! I still don’t quite like the face, it’s just a trifle too full, but —”

I swung myself round on the stool.

но стоит повернуть их в три четверти, и выражение становится широким, открытым, почти беспредельно...

Но фотограф уже не слушал меня. Он подошел ко мне вплотную и, схватив мою голову обеими руками, начал поворачивать ее вправо. Я подумал, что он хочет поцеловать меня, и закрыл глаза.

Но я ошибся.

Он повернул мою голову до отказа и теперь стоял, глядя на меня в упор.

Потом снова вздохнул.

— Не нравится мне ваша голова, — сказал он. После этого он подошел к аппарату и *опять взглянул на меня.*

— Приоткройте рот, — сказал он.

Я раздвинул губы.

— Теперь закройте, — торопливо добавил он.

И снова стал смотреть на меня.

— Уши не на месте, — сказал он. — Опустите их немного. Благодарю вас. Теперь глаза. Закатите их дальше под веки. Будьте любезны положить руки на колени и чуть-чуть поднять лицо кверху. Вот-вот, так уже лучше. А теперь расправьте плечи — так! И согните шею — так! Подожмите живот — так! Выгните бедро по направлению к локтю — вот так! Лицо ваше мне все еще не очень нравится, оно великовато, но...

Я перевернулся на своем табурете.

“Stop,” I said with emotion but, I think, with dignity. “This face is my face. It is not yours, it is mine. I’ve lived with it for forty years and I know its faults. I know it’s out of drawing. I know it wasn’t made for me, but it’s my face, the only one I have —” I was conscious of a break in my voice but I went on — “such as it is, I’ve learned to love it. And this is my mouth, not yours. These ears are mine, and if your machine is too narrow —” Here I started to rise from the seat.

Snick! The photographer had pulled a string. The photograph taken. I could see the machine still staggering from the shock.

“I think,” said the photographer, pursing his lips in a pleased smile, “that I caught the features just in a moment of animation.”

“So!” I said bitingly, “features, eh? You didn’t think I could animate them, I suppose? But let me see the picture.”

“Oh, there’s nothing to see yet,” he said, “I have to develop the negative first. Come back on Saturday and I’ll let you see a proof of it.”

On Saturday I went back.

The photographer beckoned me in. I thought he seemed quieter and graver than before. I think, too, there was a certain pride in his manner.

— Хватит! — воскликнул я с волнением, но, как мне кажется, и с достоинством. — Это лицо принадлежит мне. Оно не ваше, оно мое. Я прожил с ним сорок лет и знаю его недостатки. Я знаю, что *его не назовешь классическим*. Знаю, что оно не очень красит меня. Но все-таки это мое лицо, единственное, которое у меня есть...

Я почувствовал, что голос мой дрогнул, но все же продолжал:

— И каково бы оно ни было, это лицо, я привык к нему и полюбил его. Этот рот мой, а не ваш. Эти уши мои, и если ваши пластинки чересчур узки для них...

Тут я замолчал и хотел было встать со стула.

Фотограф дернул за шнурок. Что-то щелкнуло. Я видел, как аппарат еще вибрирует от сотрясения.

— Кажется, мне удалось схватить черты лица как раз в момент оживления, — сказал фотограф, растягивая губы в довольной усмешке.

— Ах, вот как! — сказал я, пытаюсь съязвить. — Черты лица? Вы, должно быть, не думали, что я могу вдохнуть в них жизнь, а? Ну ладно, дайте мне взглянуть на снимок.

— О, пока еще не на что смотреть, — ответил он. — Сначала надо проявить негатив. Приходите в субботу, и я покажу вам пробную карточку.

Я пришел в субботу.

Фотограф пригласил меня в ателье. Мне показалось, что на этот раз он был еще спокойнее и серьезнее, чем в день нашего знакомства. Мне даже показалось, что в его манере себя держать появилось нечто горделивое.

He unfolded the proof of a large photograph, and we both looked at it in silence.

“Is it me?” I asked.

“Yes,” he said quietly, “it is you,” and we went on looking at it.

“The eyes,” I said hesitatingly, “don’t look very much like mine.”

“Oh, no,” he answered, “I’ve retouched them. They come out splendidly, don’t they?”

“Fine,” I said, “but surely my eyebrows are not like that?”

“No,” said the photographer, with a momentary glance at my face, “the eyebrows are removed. We have a process now — the Delphide — for putting in new ones. You’ll notice here where we’ve applied it to carry the hair away from the brow. I don’t like the hair low on the skull.”

“Oh, you don’t, don’t you?” I said.

“No,” he went on, “I don’t care for it. I like to get the hair clear back to the superficies and make out a new brow line.”

“What about the mouth?” I said with a bitterness that was lost on the photographer; “is that mine?”

Он развернул передо мной большую пробную фотографию, и в течение нескольких минут мы оба молча смотрели на нее.

— Это я? — спросил я наконец.

— Да, — спокойно ответил он, — это вы!
И мы снова стали рассматривать фотографию.

— Глаза... — нерешительно сказал я. — Глаза не очень похожи на мои.

— Конечно, нет, — ответил он. — Я подретушировал их. Они получились великолепно, не правда ли?

— Прекрасно, — согласился я, — но брови... Разве у меня такие брови?

— Нет, — сказал фотограф, бросив беглый взгляд на мое лицо. — Ваши брови я убрал. У нас теперь есть такой препарат, знаете, дельфид, с помощью которого мы делаем новые брови. А вот здесь вы можете проследить, где именно я уничтожил волосы у вас на лбу. Мне не нравится, когда волосы на черепе растут слишком низко.

— Ах так, вам это не нравится? — повторил я.

— Нет, — сказал он, — они там не нужны. Я люблю на чисто убирать волосы с гладких поверхностей и делать новую линию лба.

— А как насчет рта? — спросил я с горечью, которая, к сожалению, ускользнула от фотографа. — По-вашему, это мой рот?

“It’s adjusted a little,” he said, “yours is too low. I found I couldn’t use it.”

“The ears, though,” I said, “strike me as a good likeness; they’re just like mine.”

“Yes,” said the photographer thoughtfully, “that’s so; but I can fix that all right in the print. We have a process now — the Sulphide — for removing the ears entirely. I’ll see if —”

“Listen!” I interrupted, drawing myself up and *animating my features to their full extent* and speaking with a withering scorn that should have blasted the man on the spot. “Listen! I came here for a photograph — a picture — something which (mad though it seems) would have looked like me. I wanted something that would depict my face as Heaven gave it to me, humble though the gift may have been. I wanted something that my friends might keep after my death, to reconcile them to my loss. It seems that I was mistaken. What I wanted is no longer done. Go on, then, with your brutal work. Take your negative, or whatever it is you call it, — dip it in sulphide, bromide, oxide, cowhide, — anything you like, — remove the eyes, correct the mouth, adjust the face, restore the lips, reanimate the necktie and reconstruct the waistcoat. Coat it with an inch of gloss, shade it, emboss it, gild it, till even you acknowledge that it is finished. Then when you have done all that — keep it for yourself and your friends. They may value it. To me it is but a worthless bauble.”

I broke into tears and left.

— Рот немного подправлен, — ответил он. — У вас он расположен слишком низко. Я не мог его использовать.

— А вот уши, — сказал я, — уши, как это ни странно, очень похожи на мои. Да, они точь-в-точь как у меня.

— Это верно, — задумчиво произнес фотограф, — но при печатании карточек я легко могу изменить их. У нас теперь есть такое вещество — сульфид, при помощи которого уши полностью удаляются. Я посмотрю, нельзя ли будет...

— Послушайте, — перебил я его, *вдохнув в свои «черты» максимум жизни* и говоря с таким уничтожающим презрением, которое, кажется, способно было раздавить человека на месте. — Послушайте, я пришел сюда, чтобы получить фотографию, карточку, нечто такое, что походило бы на меня (каким бы нелепым вам ни казалось подобное желание). Я хотел иметь нечто такое, что являлось бы копией моего лица, того лица, которое даровала мне природа, как ни скромна ее дар. Я хотел иметь нечто такое, что мои друзья могли бы хранить после моей смерти и что могло бы послужить утешением в их горе. По-видимому, я ошибся. Мое желание не сбылось. Так делайте же свое черное дело. Берите свой негатив или как там вы его называете, окунайте его в сульфид, бромид, оксид, ерундид — во что вам заблагорассудится, — удаляйте глаза, подправляйте рот, кромсайте лицо, реставрируйте губы, одухотворяйте галстук и перекраивайте жилет! Наведите на снимок глянец, отретушируйте его, украсьте позолотой — делайте все, пока вы, даже вы сами, не удостоверитесь, что работа кончена. А потом возьмите фотографию и сохраните для себя и для своих друзей. Быть может, они оценят ее. Мне же эта штука не нужна.

Тут я залился слезами и выбежал из ателье.

My Unknown Friend

Мой незнакомый друг

He stepped into the smoking compartment of the Pullman, where I was sitting alone.

He had on a long fur-lined coat, and he carried a fifty-dollar suit case that he put down on the seat.

Then he saw me.

“Well! well!” he said, and recognition broke out all over his face like morning sunlight.

“Well! well!” I repeated.

“By Jove!” he said, shaking hands vigorously, “who would have thought of seeing you?”

“*Who, indeed,*” I thought to myself.

He looked at me more closely.

“You haven’t changed a bit,” he said.